

Глава 1

ХОЛЛИ

На утро следующего дня

Вик, Исландия

— Алабама Вуд потерялась.

Заявление пронеслось среди женщин, столпившихся у подножия лестницы, как электрический ток, пробежавший по оголенному проводу. Полицейский, возвышавшийся над ними на три ступеньки, замолчал. По-видимому, почувствовал, что все, что он скажет в последующие несколько секунд, не будет услышано.

Холли Гудвин остановилась чуть поодаль от группы. Сквозь плохо изолированное окно за ее спиной засвистел ветер, вызвав у Холли странное ощущение — будто кто-то незримый навис над плечом и принялся тягучим голосом нашептывать на ухо.

— Мы начинаем расследование, — провозгласил полицейский, как только бормотание в толпе стихло. И переступил с ноги на ногу, заставив недовольную ступеньку испустить нервный стон. — В первую очередь нам важно установить хронологию всех событий во время поездки, с самого начала и вплоть до этого момента.

Взгляд представителя закона упал на окно позади Холли: похоже, его привлекло слабое, но противное дребезжание стекла в хлипкой раме. За прошедшую ночь небо посерело от туч, приползших с океана, и крошечную рыбацкую деревушку обволокла тонкая пелена тумана. «Идеальный день для сокрытия тайн, — подумалось Холли. — В такой день легко потеряться бесследно. Может, та же мысль пришла в голову и полицейскому, покосившемуся на окно?»

— Нам важно воссоздать точную картину всех передвижений Алабамы, особенно ее последних действий, — подала голос его напарница, светловолосая женщина с резко очерченным, скошенным подбородком. Прислонившись к дверному косяку кухни, она сканировала толпу с размеренной, точно взвешенной неторопливостью. — Нам известно, что в последний раз Алабаму видели в ее спальне вчера, около десяти вечера.

Холли отвела взгляд от женщины. В памяти всплыла Алабама, стоявшая минувшей ночью в дверном проеме кухни — почти там же, где сейчас стояла полицейская. Летом в Исландии солнце садится около одиннадцати, и, хотя было уже за десять, кухонное окно все еще мерцало последним сумеречным отблеском.

— Согласен, — заявил полицейский, одобрительно кивнув сослуживице. — Наш первый шаг — реконструировать хронологическую цепочку событий.

Холли обвела взглядом других женщин. Было еще довольно рано, никто из них накраситься не успел, и вокруг колыхалось море угрюмых, обветренных и веснушчатых лиц. Число подписчиков их группы в Инстаграме уже превысило шесть миллионов. «Что бы эти шесть миллионов подумали, если бы увидели своих инфлюенсеров прямо сейчас, вот такими?» — пронеслось в голове Холли.

Идеальные

Но убоявшись это представить, она поспешила перевести глаза на полицейского на лестнице. И, к своему удивлению, обнаружила его взгляд на себе. В ту же секунду Холли почувствовала себя уязвимой — как будто этот человек шпионил за ней, а она его застукала. Незнакомое прежде желание спрятаться, а то и превратиться в невидимку, на миг завладело всем ее телом и разумом. Но Холли пришлось его побороть.

Алабама Вуд пропала. Этот человек явился, чтобы сообщить им об этом. Шокирующая новость.

Если, конечно, ты об этом еще не знала.

Глава 2

ХОЛЛИ

Тремя месяцами ранее

Даллас, штат Техас

Холли уже пробежала семь миль в девятимильном забеге, об участии в котором она пожалела еще на пятой миле.

А на самом деле даже раньше. Разбуженная в то утро прозвеневшим будильником, Холли повернула голову набок — в ту сторону, где ко второй подушке прижимался щекой ее муж; в уголке его рта подрагивала маленькая капелька слюны. Поглядев на него, Холли подумала: «А ведь было бы неплохо отдохнуть хотя бы денек...»

Но тут пришла эсэмэска от Робин: она уже подъезжала к дому Холли. Теперь же Робин опережала ее на полшага на пешеходной дорожке. Все семь миль Робин опережала ее ровно на полшага. И от личного темпа их передвижения это не зависело. Стоило Холли ускориться, Робин тоже набирала скорость. Если Холли замедляла шаг, то же самое делала и Робин, оставаясь постоянно, на протяжении всей преодоленной дистанции на полшага впереди.

Идеальные

Было жарко. В Далласе всегда жарко, но в тот день невыносимый зной установился спозаранку, словно природа надумала что-то доказать ничтожным, но самоуверенным людям. Уже скоро Холли почувствовала себя спрессованной пылом безжалостного утреннего солнца и жаром, накатывавшим волнами от раскаленного асфальта.

Над ее губой проступил холодный, очень холодный пот — совсем не похожий на тот, что тонкими струйками лился по телу.

Характерный признак того, что ее вот-вот стошнит.

А Робин продолжала тараторить через плечо:

— По-моему, это защитная реакция либо подражательный рефлекс. Я, конечно, не собачий психиатр, но мне кажется, дело именно в этом, — Робин говорила о своем голдендудле, заимевшем привычку опорожнять кишечник не на улице, а дома.

Холли особенности собачьей дефекации не интересовали. Она силилась сдержать рвоту.

Вот уже неделю у нее периодически проявлялись симптомы легкого пищевого отравления. Этот диагноз Холли поставила себе сама еще в начале семидневки. Правда, ей так и не удалось припомнить, когда она в последний раз травилась едой и когда ее в последний раз тошнило. Скорее всего, это было еще в колледже, и причиной отравления тогда явилась не сомнительная чана масала, а текила, выпитая в чрезмерном количестве.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — внезапно озабочилась Робин, повернувшая голову, чтобы глянуть на Холли. В какой-то момент она забыла про установленную ею же дистанцию в полшага и вырвалась вперед на целый шаг. — Ты выглядишь бледноватой.

Плечи самой Робин пестрели пятнами белого солнцезащитного крема в тех местах, где она не потрудилась втереть его в кожу.

— По правде говоря, не очень. Меня подташнивает.

Глаза Робин округлились так широко, что Холли почти пожалела о сказанном. Но все же, стоило Робин замедлить темп, она испытала невероятное облегчение.

Они перешли с трюсы на ходьбу около кафе, в котором даже в раннее воскресное утро царило оживление (пусть и не такое, как в будние дни, когда у входа образовывалась очередь). Их забег закончился в небольшом торговом-развлекательном районе Бишоп-Артс, большинство кофеен которого предлагали посетителям завидно богатый ассортимент напитков без натурального молока.

— Извини, мне очень жаль, — заговорила Робин, уже поравнявшись с Холли. — Я опять забылась и не сделала тебе поблажки.

Холли поджала губы: Робин действительно недовольна или ей это только показалось из-за неважного самочувствия?

Они познакомились в прошлом году в Далласе. Обе участвовали в забеге на дистанции в пять миль. Робин была из тех бойких, энергичных особ, каких Холли, в принципе, старалась избегать. «Я почти настигла тебя в самом конце», — сказала она, подкараулив Холли у финишной черты. Зубы у Робин оказались чересчур большими для ее рта, но Холли милостиво постаралась этого «не заметить».

Позже в тот день они списались в Инстаграме. Правда, Холли отвечала новой знакомой только из вежливости. Но Робин почти сразу отправила ей прямое сообщение с предложением организовать свой собственный забег — чтобы помочь какому-то благотворительному обществу, о котором Холли и слыхом не слыхивала. Робин безо всякой

Идеальные

иронии употребила слово «офигенный», но, несмотря на это — а, может быть, как раз благодаря этому, — у Холли не хватило духу ответить ей «нет».

— Похоже, я тебя загнала... — вернули ее из воспоминаний в реальность слова соперницы.

— Все нормально, — откликнулась Холли, почему-то решив ее оправдать. — Думаю, просто сказала жар.

Некоторое время они обе шли молча. Робин уткнулась в телефон — наверное, оценивала их забег в Страве, популярном приложении для поклонников фитнеса. В иное время Холли поступила бы так же, но на этот раз она всецело сконцентрировалась на своем дыхании. Тошнота, похоже, прошла, но Холли боялась, что она возобновится, как только они снова побегут.

— Ты можешь продолжить забег без меня, — пробормотала она наконец. — А я, пожалуй, пойду назад.

К разочарованию Холли, Робин посмотрела на часы и сказала, что она тоже закончила. Это было очень благородно с ее стороны: сократить забег ради Холли. И это было самое худшее в Робин. Все ее прекрасные качества раздражали Холли и вызывали у нее мучительную досаду.

Тренироваться с Робин ей предложил не кто иной, как собственный муж, Ник. Потому что они с Робин были одного поля ягоды. Холли постоянно заставляла мужа за болтовней с соседями, когда от него требовалось только одно: опорожнить мусорные баки. Сколько раз она слышала их кудахтанье и хихиканье на лужайке перед домом! Сама Холли, заметив соседей на подъездной аллее, предпочитала дожидаться их ухода и лишь потом доставала корреспонденцию из почтового ящика.

До встречи с Робин Холли почти три года тренировалась одна.

А еще раньше, со времен колледжа, она тренировалась со своей лучшей подругой, Мэллори. Но те тренировки резко прекратились, когда подруга забеременела в первый раз. Мэллори пообещала Холли, что вернется к бегу через три месяца после рождения дочки. Ну, может быть — хотя и маловероятно — через четыре.

Месяцы растянулись на годы.

На обратном пути Робин продолжила рассуждать о своем псе. А Холли издавала уклончивые, натужные звуки, когда нужно было хоть как-то отреагировать.

— Не желаешь выпить кофейку? — спросила Робин, когда они, наконец, приблизились к дому Холли, где ее поджидала машина, припаркованная на обочине. Робин ездила на «Тесле», и этим почему-то тоже раздражала Холли.

— Хотелось бы, — солгала она, — но не могу. Мы с подругой договорились вместе пообедать.

А это не было ложью. Они с Мэллори старались планировать встречи заранее, назначая их чуть ли не за две недели.

На лице Робин отобразилось разочарование — достаточно явное, чтобы Холли испытала неудобство из-за того, что не пригласила ее, но не настолько сильное, чтобы она решила пригласить Робин сейчас. Поскольку Мэллори теперь растила дочь, ее взаимоотношения с Холли ограничивались редкими и, как правило, короткими промежутками времени, которые заботливой матери удавалось выкроить для себя. И Холли не хотелось портить долгожданную встречу еще одной историей о беспорядочной дефекации невоспитанного пса.

Она уже готова была зайти внутрь дома, когда пришло сообщение:

«Мне очень жаль, — написала Мэллори, удвоив в спешке мягкий знак. — Но у меня не получится пообе-

Идеальные

дать сегодня с тобой. Фи приболела... похоже на кишечный грипп. Все утро наблюдала поносное шоу (в буквальном смысле слова)».

Холли с минуту смотрела на сообщение, а потом переступила порог дома.

«Не переживай! — набила она текст. — Я все понимаю». И, подумав еще пару секунд, добавила второй восклицательный знак. Просто для того, чтобы подчеркнуть, насколько искренне она посоветовала подруге не переживать.

Мэллори в ответ прислала два эмодзи: «большие пальцы вверх» и рожицу, искаженную муками рвоты. Холли попыталась подыскать образ, соответствовавший реальным чувствам и эмоциям подруги. «Наверное, разочарование? Или обманутые надежды?» — предположила она. Хотя Мэллори иногда удивляла ее нестандартной реакцией на подобные вещи. Особенно на первом этапе материнской стези, когда она описывала свой недосып или трещины на сосках не с досадой или тоской, а со странной безмятежностью — если не блаженством — на лице.

Так и не найдя подходящей картинки с глубоким подтекстом, Холли в сердцах скинула кроссовки; один из них угодил в стену. Послышался глухой стук, но Холли даже не вздрогнула. Она уже открыла ящик электронной почты, в котором с момента последней проверки скопилось с дюжину новых посланий. Первое было от «Розового кошелька» — онлайн-бутика одежды, с которым Холли временами сотрудничала.

Электронные письма от «Розового кошелька» были легко узнаваемы по чрезмерному количеству восклицательных знаков, использованных в строке темы. Холли бегло прочитала сообщение и почувствовала легкое угрызение совести. Письмо касалось предстоящей поездки

Николь Хакетт

в Исландию; это было уже третье подобное сообщение, пришедшее Холли за последние несколько недель. Конечно, Холли подозревала: будь она кем-то еще, а не Холли Гудвин, «Розовый кошелек» пустил бы все на самотек и не стал бы бомбардировать ее посланиями, каждое последующее из которых превосходило предыдущее числом восклицательных знаков. С тех пор, как количество ее подписчиков достигло миллиона, она заметила резкое увеличение запросов и просьб об ее участии в том или ином мероприятии или акции. Спрос на нее возрастал пропорционально росту ее популярности.

В конце письма «Розовый кошелек» приложил список других инфлюенсеров, уже подтвердивших свое участие в поездке. Эмили фон Парис, Марго Мёрфи, Кэтрин Ливингстон, Алабама Вуд. Единственной из них, с кем довелось встречаться Холли, была Кэтрин. И единственным, что с той встречи запомнилось Холли, было то, как близко к ней — почти вплотную! — встала эта Кэтрин, заведя разговор.

«Надо будет ответить на это письмо после душа», — сделала зарубку в памяти Холли. Ответить вежливым, но твердым отказом. Ей этим летом предстоял забег с Робин. На его организацию, планирование и тренировки требовалось время. Да и Исландия Холли не прельщала. Насколько она знала, там было холодно и темно. А еще много снега. Если бы она в какой-то момент своей жизни и задумалась о путешествии туда, то только в одном случае: если бы произошло что-то ужасное.